

На смену праздничному настроению в ряды Брэйнов пришла гнетущая, враждебная атмосфера. Новость об отстранении Ча Мён Хвана с поста президента «Тэ Рён» подняло их моральный дух до небес. Не успели они спуститься на землю, как выяснилось, что кандидатов на должность уже трое, как бы нелепо это ни звучало. Третьим стал кандидат со стороны, которого председатель Ча привлёк в отчаянной попытке любыми способом сохранить контроль над управлением.

В последние дни Ча И Сок носился по всем фронтам, дошло до того, что даже запах кошки начал забываться. В пустом конференц-зале Ча И Сок сидел на столе, пытаясь раскурить сигарету. Из коридора слышались тяжёлые шаги. Дверь с шумом распахнулась. Ча И Сок, раздавил бесполезную отсыревшую сигарету ботинком, поднимая взгляд на вошедшего председателя Лима.

Груз постоянной настороженности, борьба с шантажом или изнурительная бессонница его доканала, а может всё вместе, но кожа его сытого лица обвисла, словно владелец собрался выскользнуть из неё вон.

Лицом к лицу они встретились впервые после того скандального порно-показа на общем собрании. Всё это время Ча И Сок мастерски изводил его, избегая встреч, и теперь, в полном соответствии с замыслом, председатель Лим выглядел совершенно измотанным. Он был на грани срыва.

- Ты...ты!.. Мерзавец, как ты посмел!

Обычно председатель Лим не терял лица ни при каких обстоятельствах. По-видимому, когда дело касалось его детей, это выбивало его из колеи.

- Ну теперь-то вы понимаете, до чего меня довело ваше пренебрежение!

Рука Ча И Сока резко вытянулась. У самого подбородка Лима оказался флэш-накопитель. В нём хранилось то самое снафф-видео.

- Тут оригинал.

Председатель Лим уставился на свой позор, болтающийся на длинных пальцах И Сока. Глаза пожилого мужчины едва не лопнули от гнева. Низкий и ровный голос директора Ча лёг густым ковром на гладкий пол зала конференц-зала:

- В прошлый раз вы помогли сместить Мён Хвана в обмен на отсрочку премьеры одного блокбастера. Теперь, если окажете поддержку нужному кандидату, оригинал - в вашем распоряжении.

Лим поначалу не знал, что ответить. Он нервно сглотнул и отвислый второй подбородок

затрясся. Зрачки в широко распахнутых глазах, были неестественно мелкими.

- Думал, я всё это оставлю без ответа? Председатель узнает всё. А ты... больше не ступишь здесь ни ногой, ни тенью. Жалко смотреть, как доверчивый председатель Ча водит за собой змеёныша, выдающего себя за сына.

Каждый руководитель требует особого обращения. Директор Хан - прямолинейный учёный сухарь, и с ним всё ясно как день. Но Лим - птица другого полёта. С ним держи ухо востро. С виду безобидный старикашка, а на деле барыга, который прошёл сквозь мясорубку рейдерского поглощения его компании «Усон Лэнд» группой «Тэ Рён» и сумел выторговать у самого председателя Ча жирный кусок акций. Поскольку Лим на прицеле, то вынужден отсиживаться, но малейшая небрежность в обращении с ним - и он станет противником, ничуть не уступающим в коварстве председателю Ча.

Председатель Лим снискал репутацию человека, способного улаживать вопросы без шума и промедления. Даже на неформальных переговорах, где вино льётся щедрее слов, он остаётся хозяином беседы, будто заранее знает, чем она закончится: речь чёткая, а приятные манеры располагают к себе. Его мастерство в управлении людьми оставляло председателя Ча в тени. Такой союзник - это уже не удача, а прибыль. Именно поэтому Ча И Сок выбрал председателя Лима своей мишенью, несколько месяцев потратив на операцию по его привлечению.

Эти разговоры о корпоративном управлении и эффективности - пыль в глаза. В конечном счёте, всё решают нужные люди в нужных местах. Лим отдавал себе отчёт в том, каков его ключевой козырь. Он презрительно фыркнул:

- Хотел сделать из меня своего голосующего пупсика? Милый, это провальный проект. Я не позволю тебе вить из меня верёвки. Что до твоего видео, то председатель Ча уже в курсе и обещал навести порядок. И с чего бы мне верить в «оригинальность» этой флешки и ставить на кон всё?

- То, что вы продолжаете верить председателю Ча, говорит о вашей... неиспорченности. Жаль, ваше будущее теперь выглядит не столь радужно - прямо сердце ноет.

- Я хорошо знаю председателя Ча. Того, кто ему не угодил, он уберёт без пощады, выждав момент. Мы просто языки проглотили, когда он, проведив на тот свет дочерей, не проронил ни слезинки. Когда ты, негодяй, появился в «Тэ Рён», все возлагали на тебя надежды, уж больно ты походил на почётного председателя. И надо же! Ты унаследовал даже его умение плести грязные интриги. Но по крайней мере, председатель Ча не вербует людей такими методами. Даже если бы я стал собирать сторонников, как я могу доверять тебе после всего? Заняв кресло, председатель Ча первым делом устроил чистку среди прежнего руководства. Если ты такой же как и он, то что говорить о моём положении и директоре Хане...

- Потому что вы уже один раз предали? - перебил Ча И Сок.

Лим сжал губы, и тот продолжил:

- В кино судьба предателей всегда печальна. Но это лишь кино, а я считаю, что вы господин председатель, просто искали наиболее разумный путь. И правильно делали.

Ча И Сок приложил руку к груди. Нижняя челюсть Лима запрыгала, и он попытался что-то возразить, Ча И Сок потянулся к его нагрудному карману, вынул оттуда микрочип и вложил на его место свой флэш-накопитель.

- Неужели вам не претит вся эта безответная преданность председателю Ча? Я, по крайней мере, привык отвечать взаимностью. Решайте, обретёте во мне союзника или наживёте врага.

Поражённый вспышкой ярости председатель Лим резко отбросил с виска редкие пряди, которыми он безнадежно пытался скрыть лысеющее темя. Дряблые щёки исказились усмешкой, презрительной, но и обречённой.

- Твоя отчаянная игра говорит о многом. Значит карта председателя Ча и впрямь оказалась сильной. Ты всерьёз надеешься переломить ситуацию жалким шантажом? По мне не скажешь, но я повидал на своём веку разного. Я наглядно покажу, чем заканчивается наглость таких молокососов.

До сих пор тучная фигура помогала председателю Лиму искусно скрывать изворотливую натуру. Его лицо приобрело багровый цвет.

- И к чему такая свирепость? - нарочито жалобно протянул Ча И Сок, изобразив растерянность.

* * *

Два часа дня. Началось заседание совета директоров по избранию президента компании. За П-образным столом возникла многозначительная расстановка сил: по одну сторону незримой разделительной линии расположились Ча И Сок, Хан Сон Джэ, директор одного из департаментов и секретарь Чан, а по другую - председатель Ча, директор Хан и их приближённые. Ча Мён Хван, отстранённый от должности на собрании акционеров, лишился места и в совете директоров, а значит, и права голоса при избрании президента. Лим держался на равном расстоянии и от председателя Ча, и от Ча И Сока. Главный вопрос состоял в том, примет ли он предложенное ему экспериментальное лекарство, или же сплюнет и вернётся к проверенному препарату.

В зале царилась гробовая тишина. Сотрудник секретариата, ведущий заседание, встал за кафедру. Даже его плечи выдавали предельное напряжение.

- На голосовании присутствуют более половины членов совета директоров. На пост Президента «Тэ Рён Групп» предложены кандидаты: господин Джу Ён Хван, господин Алекс Чан из «НК Global» и исполнительный директор Ча И Сок.

Голоса по каждому кандидату собирались последовательно. Если кандидат не наберёт большинства голосов право избираться переходит к следующему кандидату. Но если кандидат преодолевает порог большинства, то у оставшихся соперников шансов уже не будет.

Эта система была несправедливой и в то же время вызывала леденящий трепет и азарт.

- Первой к голосованию представляется кандидатура господина Джу Ён Хвана.

Ча И Сок ослабил галстук. После вчерашних возлияний с клиентами он чувствовал себя разбитым. Хан Сон Джэ, страдающий от похмелья и крайнего напряжения, выглядел и вовсе удручающе.

Настал момент истины: либо проглотить «Тэ Рён», перемолоть её кости и распродать по цене лома, либо рухнуть самому, потеряв всё.

Когда хищники, занимающие вершину пищевой цепи, оказывались на грани вымирания, рептилии пребывали в добром здравии. Следовало перенять их секрет – умение не просто выживать в невыносимых условиях, но и становиться властителями болот. Никто не мог предсказать исход, так же как и направление завтрашнего ветра.

Ча И Сок устремил затуманенный похмельем взгляд за окно. Он долгие годы двигался к этому дню, жертвуя сном. Пришло время поставить точку в грандиозной пьесе.

Погрузившись с головой в эту борьбу, он всё реже бывал дома, оставляя свою кошку одну. Хотя, возможно, это он сам оказался в одиночестве. Когда голосование закончится, он хотел лишь выспаться, уткнувшись в её шёлковую шерстку. Перебирая её в пальцах, он ловил себя на мысли, что бешеный ритм его сердца, который постоянно гнал его вперёд, – всего лишь призрачное наваждение.

* * *

Казалось, он погрузился в глубокий сон. Но даже в забытии слух в нём тревожно бодрствовал. Днём ранее Яба уже чувствовал упадок сил, а сегодня окончательно слёг с температурой.

Целый день он словно носил своё тяжёлое и разбитое тело, которое бросало в жар. От постоянного кашля даже брюшные мышцы ныли. Он посмотрел на своё запястье. Его контурыплыли и множились перед глазами.

Из-под кровати медленно поднялось жёлтое пятно. Самка не показывалась. Хитрая тварь высунула раздвоенный язык, оценила обстановку и затем возложила голову на руку Ябы. Язык скользнул между его пальцев. Прохладное тело животного забрало собой жар. Ощувив неожиданное облегчение, Яба не стал сопротивляться. Пусть это жёлтое недоразумение делает, что хочет, почему бы и нет?

Вдалеке пискнул кодовый замо́к, тяжёлые шаги пересекли гостиную. Сегодня звуки казались на удивление медленными и неуверенными. Дверь спальни распахнулась, и столб света перекинулся на кровать. Кожа чутко уловила напряжённое присутствие зверя, затаившего дыхание. По телу пробежала дрожь, но в полудрёме сил хватило только на то, чтобы моргнуть.

Жёлтая голова соскользнула с руки Ябы и тут же в гостиной послышался грохот. Похоже, туда бросили что-то тяжёлое. Следом дверь в спальню захлопнули. Затем воздух наполнился удушающим перегаром, от которого мутилось сознание. Не успев даже разглядеть вошедшего в спальню гостя, Яба почувствовал, как на его тело навалилась давящая тяжесть, словно сонный паралич в кошмарных снах. Он вздрогнул вынырнув из омута забытья. Ча И Сок приник губами и носом к его шее и глубоко вдохнул.

- Это пьянит сильнее, чем 30-летний Мартель.

Удивительно, он абсолютно не замечал, что пьяный и трезвый вёл себя одинаково. И всё же его походка, его голос, запах, вьёвшийся в одежду, - всё это будило в душе странную тревогу.

Ча И Сок залез языком в рот Ябы. Он был в полусознании. Когда Яба вцепился в его одежду, тот позволил ему сделать вдох. Их губы разомкнулись и борющиеся языки высвободились из тесного влажного пространства.

Ча И Сок, опустив взгляд, коснулся щеки Ябы. И вдруг в темноте блеснул отсвет в его зрачках.

- Иногда от желания слышать твою колыбельную я схожу с ума. Не представляешь, как играет твой язык, когда ты поёшь. А эти влажные глаза мне хочется вынуть и ощутить на вкус.

В его взгляде зияла ненасытная, бездонная пустота. Надтреснутый голос изнемогал от голода. Яба чувствовал усталость этого зверя, которого нужно было лишь приласкать, погладив по шерсти. Так Яба и сделал.

Ча И Сок впился в его шею, вызвав острую реакцию, будто по коже провели лезвием. Затем его дыхание выровнялось и стало глубоким. Казалось, он погрузился в сон.

О том, чтобы переодеть пьяного нечего было и думать - хорошо бы хоть сдвинуть с места. Яба заворочался, пытаясь вырваться из-под тяжёлого тела.

- Попалась.

Словно подавляя бушующую в нём ярость, он сжал Ябу так, что у того перехватило дыхание.

- «Тэ Рён» попалась.

Горло Ябы сжалось. Он оставался безмолвным, но в его мире звучала колыбельная. И пока губы беззвучно шевелились, ладонь переводила эту немую музыку в нежные похлопывания по спине. Приняв в объятия этого падшего, мученик очищал его, пропуская через себя его тёмную ауру.

Этот мужчина не знал спокойного сна так долго. Наконец его терпение обрело смысл. Яба был рад, что оказался рядом с ним в этот момент.

«Ты очень устал. Теперь отдохни...»

Со слов Сон Джэ, в тот день Ча И Сок получил количество голосов, значительно превышающее необходимое для победы.

* * *

На следующее утро Ча И Сок проспал. Так как он всегда вставал раньше Ябы, то сегодня ситуация выглядела противоестественно. Ябе хотелось и дальше смотреть на его спящее лицо, но веки слипались. Тело отзывалось болью на каждое движение. Сознание то угасало, то ненадолго возвращалось.

В спальню через окно пробивался свет – то ли восходило солнце, то ли садилось. Мысль о том, что Земля продолжает вращаться, вызывала тошноту. Его веки сами собой открывались и закрывались, покорённые мягким свечением. В спальню вошёл Ча И Сок. Он с клацаньем что-то перекачивал за щекой. Спустя мгновение он приник к губам Ябы и внутрь скользнул холодный язык, вбирая в себя жар. Тело и разум застыли, но миг облегчения быстро растаял.

На следующий день после вступления Ча И Сока в должность президента компании, Яба всё ещё едва приходил в сознание. Оно возвращалось к нему урывками, настолько короткими, что он не успевал сфокусировать взгляд на лице И Сока. Даже визит врача на рассвете оказался бесполезен, иного исхода не стоило ожидать, ведь от чумы евнухов нет терапии. То, что заражение прорвалось сквозь антитела Ябы, означало лишь одно: въедливый штамм метил прямо в его искусственную мужскую суть.

С трудом перевернувшись на бок, Яба почувствовал, как адская боль сковала мышцы. Ча И Сок положил ладонь на его лоб и сжал губы.

- Почему температура не падает? Держись, врач уже в пути.

Ча И Сок не пошёл на работу. Его телефон постоянно трезвонил. Яба снова провалился в забытие и даже не мог отследить ход времени. Сквозь сон доносились обрывки разговора врача с Ча И Соком. Тело время от времени содрогалось от болезненных импульсов.

После ухода врача, Ча И Сок сказал, что собирается сбивать температуру, и раздел Ябу догола.

Затем аккуратно обтёр его влажным полотенцем.

Наконец Ча И Сок заполучил «Тэ Рён», но вместо того, чтобы праздновать победу, ему приходилось ухаживать за больным. Эта болезнь возникла совсем не вовремя. Яба хотел бы поздравить, но не мог даже карандаш удержать в руке.

На удивление, выражение на лице И Сока было таким же отрешённым и невозмутимым, как и у Гашиша, который отупело ухаживал за Кокаином. Яба наблюдал сквозь сонную пелену.

Ча И Сок забрал пакет со льдом и вышел в гостиную. Вскоре по дому пополз густой аромат ореховой каши. Под мерный счёт капельницы, веки снова налились тяжестью. Тело затряслось от надрывного кашля, и боль охватила каждую клетку, словно кости и мышцы кто-то терзал изнутри. Озноб, выжимавший из конечностей судорожную дрожь, внезапно отступал перед шквалом жара. Мир плавился на глазах, стены стекали желеобразными потоками, а с пола медленно поднималась мутная субстанция, чтобы поглотить кровать, последнее пристанище Ябы. К нему медленно подобралось нечто жёлтое. Яба ощутил, как тяжёлая голова без приглашения ложится в его раскрытую ладонь. По её тыльной стороне скользнул прохладный змеиный язык. Почувствовав щекотку, Яба пошевелил пальцами.

Хитрая тварь взгромоздила туловище на кровать. Вытянув голову как можно выше и дальше, она подтянула утолщённую часть тела к щеке Ябы. Прохлада распространилась по коже. Исполинский хвост бережно обвился вокруг лодыжки. Заняв оптимальную, с её точки зрения, позицию, змея уставилась на больного красным взглядом. Чешуя была отвратительной, но прохлада рептилии приносила долгожданное облегчение.

Яба накрыл пылающей ладонью голову жёлтой бестии и провёл вдоль позвоночника. Ромбовидные узоры зарыбили и уставшие веки Ябы отяжелели. Он обхватил ногами змею, словно коала – ствол дерева, стиснув её гладкие мускулы между бёдер, и плотно прижал к себе руками. Хитрая тварь спрятала язык и замерла, настолько полно, что даже рябь чешуи прекратилась. Бедрá коснулось что-то липкое и влажное. Похоже, она решила пустить в ход свои недоразвитые лапы.

Дверь дёрнулась, и в проёме возникла самка. Одним броском оказавшись на кровати, она с силой ударила головой зловредную тварь и вонзила зубы в руку Ябы. Рука рефлекторно дёрнулась от жалящей боли. Штатив капельницы загрохотал и едва не рухнул.

Жёлтый питон угрожающе зашипел и, сбросив самку с кровати, упал на неё сверху. Его красные глаза яростно сверкали, он стремительно бросался. Самка, разинув пасть, извивалась от боли. Вдвоём они свились в омерзительный клубок. Алые кристаллы, лишённые даже тени милосердия к сородичу, горели одной лишь жаждой крови. Когда Суни сдавил тело самки в кольцо своих мышц, её хребет изогнулся под пугающе неестественным углом. Сила этих тварей, ставящая даже крокодила на уровень потенциальной жертвы, превосходила мыслимые пределы. Преодолевая истощение, самка выскользнула из смертельных объятий и умчалась через дверную щель.

Зловредная бестия сжалась, а потом резко выпрямилась, словно запрыгивая на кровать. За мутными мигательными перепонками скрывался целый инфракрасный космос. Два ярких лазерных луча усталились на Ябу. Между чешуйками виднелись следы проколов, оставшихся после драки с соплеменницей. Затем жёлтое создание тихо скрылось под кроватью, мелькнув хвостом.

Яба цеплялся за проблески сознания, но сон снова затягивал его в пучину. Его мучили кошмары, в которых неизменно звучал тот странный вой. Холодный пот струился по коже, а внутренности варились в собственном соку. Рассмотрев цифры на электронных часах, Яба понял, что проспал восемь часов. Жар заметно уменьшился.

Сквозь сонную дымку Яба разглядел спину Ча И Сока. На полу рядом с его вытянутыми ногами лежал смятый пакет со льдом. Яба смутно припоминал холод свежих компрессов и тень Ча И Сока, склонившегося над ним. Он сидел на краю кровати и что-то читал.

И Сок испытывал патологическую потребность в текстах. Каждый день ему требовалась определённая доза печатных символов. Не имея под рукой книги, он переходил на газеты, если и это было недоступно, то изучал меню от корки до корки. Даже усталость не имела власти над этой привычкой. Полночь? Четвёртый час утра? Не важно - он не мог закрыть глаза, не проглотив горсть чужих слов. Иногда он цитировал Ябе какой-нибудь отрывок уже лёжа в постели. В такие моменты от развратного негодяя не оставалось и следа. Его аккуратным надменным профилем хотелось любоваться. Неужели, это - тот самый человек, который постоянно заставлял Ябу корчиться от стыда. Возникло ощущение, будто две разные личности поочерёдно занимают одно тело.

Ча И Сок принадлежал к тому типу людей, чью силу чувствуешь издали, но, только находясь рядом с ним понимаешь, насколько он опасен. Спина, которая представлялась щитом, защищавшим мир Ябы от чужих вторжений, теперь виделась иначе. На контрасте с узким овалом лица плечи казались ещё шире. Будь он мускулистее, то выглядел бы слишком массивно. Чувственные губы подчёркивали его расслабленность.

Яба хотел потянуться к этой спине, движимый внезапным порывом. Однако, руки сковывала свинцовая усталость.

Горло пересохло, когда он увидел стакан с водой у ног Ча И Сока. Стоило лишь протянуть руку - но дистанция выглядела непреодолимой. Яба облизнул потресканные губы.

«И Сок... Воды...»

Его всегда уравновешенные плечи внезапно напряглись, а голова медленно повернулась. Говорят, рептилии улавливают малейшие вибрации воздуха... Видимо, это правда.

Яба не переставал удивляться. Ча И Сок безошибочно расшифровывал слова, написанные пальцем в воздухе, и с абсолютной точностью читал по губам. И в голове Ябы словно заноза засела одна мысль: случайно ли это? Случайно ли то, что способностью проникать в мысли

обладает человек, чьё сердце однажды вновь забилося от пения Ябы.

Он снова пошевелил пересохшими губами.

«Горло... Пить...»

В плотно сжатых губах Ча И Сока скопилось напряжение, но потом каменное изваяние треснуло. Губы приоткрылись.

- Ты...

Яба впервые видел такое удивление на его лице.

- Твой голос...

Он не договорил.

* * *

- Скажи что-нибудь, - настаивал Ча И Сок, не отходя от кровати.

Яба молча тряс головой, сжав губы. Он боялся не того, что голос не появится, а того, что, стоит ему заговорить, Ча И Сок тут же вернётся в тот день в Нангоктоне.

Ча И Сок большим пальцем нажал на его губы, и снова требовательно произнёс:

- Всё в порядке. Ты только что промычал, и ничего не случилось.

Яба колебался долгое время, затем осторожно приоткрыл рот. Он заставил свои голосовые связки содрогнуться, наполнил лёгкие вибрирующим воздухом и попытался вытолкнуть из себя звук.

- А-а-а...

С испугом Яба закрыл рот. Его голос едва пробивался наружу, словно вода сквозь засорившийся фильтр. После двух месяцев молчания, звук был похож на голос призрака. Будто эти два месяца он провёл в невесомости и теперь заново учился ходить. Раньше каждая попытка издать звук вызывала раздирающую боль в голосовых связках, но сейчас Яба ничего подобного не ощущал. Потребовалось немало времени, чтобы восстановиться после инцидента.

Окончательно придя в себя. Яба стал пристально наблюдать за состоянием Ча И Сока. Даже после возвращения голоса у того не случилось сердечного приступа, да и цвет лица остался прежним. Его пронизательность тоже никуда не делась.

- Нужно проверить, вернулись ли твои способности.

Не успел Яба осмыслить возможные последствия возвращения голоса для сердца Ча И Сока, а тот уже опережал его, анализируя ситуацию. Если использование сил сокращало жизнь, это становилось критически важным обстоятельством.

- Как?

Яба беззвучно шевелил губами. На случай непредвиденных обстоятельств он решил быть предельно осторожным с издаванием звуков.

Ча И Сок, без лишних слов, притащил зловредную тварь. Придавив ногой голову и хвост, он попытался вспороть ей брюхо ножом.

Но та не собиралась сдаваться без боя. Хвост, выскользнув из захвата Ча И Сока, обвил его запястье, заставив выронить нож. Змея принялась всерьёз заламывать ему руку.

Скованный хвостом, Ча И Сок ухватился за тело змеи с двух сторон и попытался переломить позвоночник. Питон разинул пасть.

Тогда Ча И Сок, словно невесту на руках, поднял его, прошёл с ним на балкон и швырнул вниз с тринадцатого этажа.

Но в последний миг хитрая бестия обвила хвостом шею Ча И Сока, пытаясь утянуть его за собой.

Яба бросился вперёд и обхватил его за талию. Даже в этом положении они продолжали бороться. Лишь когда 15-ти сантиметровые клыки проткнули руку Ча И Сока, битва завершилась.

Раз уж дело приняло такой оборот, Яба решил опробовать силы на нём и запел «Вокализ».

- А-а-а-а...

Робкий голос прерывался. Тембр, два месяца находившийся в плену у сирен, не поддавался контролю. Он едва слышно шептал, без силы и четкости – одни лишь намёки на пение.

Но несомненно голос звучал. Это был не сон.

Песня завершилась. Звук растаял, а Яба ещё долго не мог пошевелиться. Из раны Ча И Сока по-прежнему сочилась кровь. Сирены не явились, чтобы его забрать.

Сейчас горло Ябы болезненно зудело не от пения. Вихрь радости и колючие крупички разочарования смешались в бурю, которая накрыла его сердце.

Яба принёс аптечку. Промокнул кровь и наложил мазь. И окружающий мир наконец обрёл плотность и тяжесть настоящего.

Он позволял себе лелеять мечту даже втайне от самого себя, но не ждал её воплощения. Однако пение Кокаина подхватила эту искру надежды и раздула её до пожара. Невероятно, на этот раз его целительная сила не встретила отторжения.

«Как ни странно...»

Но Яба не хотел произносить вслух эти слова. Ещё страшнее было вспоминать о Кокаине в присутствии Ча И Сока. Тот тоже не спросил, кто вылечил Ябу. Возможно, уже догадался.

Яба туго затянул небрежно наложенный бинт на руке Ча И Сока, затем взял электронный стилус. Серебристое перо заплясало по экрану:

[Давай, на этом закончим]

Можно было не сомневаться, что месть уже зреет в сознании Ча И Сока, он не оставит безнаказанным Кокаина, расстрелявшего его сердце. Принцип прост: все долги возвращаются с грабительскими процентами. Яба дописывал фразу, а Ча И Сок ждал продолжения на экране. Не он один был мастером чтения мыслей.

[Вся это хрень с возмездием меня достала]

Ча И Сок холодно наблюдал как привычный ход мыслей собеседника идёт трещинами. В его глазах мелькнула неуверенность.

- Тогда зачем это обиженное лицо. Ты ведь уже сдался.

Возможно, из них двоих только Яба испытывал беспокойство. Жест Ча И Сока был плавным и быстрым, палец провёл по губам Ябы, будто застёгивая невидимую молнию.

- Но зато я позабочусь, чтобы ни единый звук не сорвался впустую. Без возражений.

Каждое слово Ча И Сока ложилось в сознание Ябы, как кислотный след на металл. Когда дело касалось голоса Ябы, Ча И Сок отбрасывал все обычные уловки – приторно-сладкие манипуляции и красноречие. Он говорил грубо и начистоту.

Яба с решительным видом разжал губы, давая понять, что согласен. Возможно, исцеление было неполным из-за тихого пения Кокаина и совершенно неуправляемого звукоизвлечения. Не исключено, что очередное испытание, ниспосланное проклятием сирен. Но теперь они могли говорить, глядя друг другу в глаза. По-настоящему.

<http://bllate.org/book/14585/1293848>